

Не спит Он и не дремлет

*Из книги раввина Соломона Альтера Хальперна «Узник и другие истории о вере»,
публикации издательства «Фельдхайм» (ул. Тахкемони, 39, Иерусалим),
напечатано здесь с разрешения автора*

Собравшиеся в просторной зале императорского дворца министры царя Николая Первого с волнением ожидали, что будет. Их внезапно вызвали из дома на экстренное совещание. Но никто не знал, что случилось. Как раз в тот момент во всех министерствах было тихо: ни войны, ни восстания, ни даже финансового или дипломатического кризиса, в связи с которым нужно было бы принимать срочные меры. О чем бы ни шла речь, знал об этом один лишь император.

Наконец, прибыл царь. Он был в одном из своих опасных настроений, когда любое возражение расценивалось как измена.

Он сразу взял быка за рога.

— Господа! Я созвал это совещание с целью решить раз и навсегда еврейский вопрос. Этот упрямый народ представляет самую большую угрозу единству нашей империи. Они не хотят говорить на нашем языке или отказаться от своих нелепых привычек. На практике они являются государством в государстве. Их численность и влияние растут. Нам необходимо устранить эту угрозу. Я не успокоюсь, пока они либо не примут нашу веру или не покинут нашу страну. Мы уже неоднократно принимали законы, направленные на достижение этой цели. Но эти черти хитры и своими взятками превратили в изменников многих высокопоставленных чиновников. Даже среди вас здесь могут оказаться предатели.

У некоторых министров екнуло сердце. Уж не собирается ли он «вскрыть заговор» и устроить показательный процесс?

— Каждый раз, — продолжил царь, — они получали информацию о готовящихся законах даже перед тем, как они вступали в действие, иногда даже перед тем, как они были приняты, и с помощью взяток или протестов на международной арене добивались их отмены еще до того, как была возможность предворить их в жизнь. На этот раз такого не случится. Этот указ будет разослан губернаторам на местах в запечатанных конвертах, которые не вскроют до 31 марта — это первый день их Пасхи — и тогда его приведут в исполнение немедленно. Вы же, господа, не выйдите отсюда до тех пор, пока не завершите разработку этого указа, и он не будет подписан. И пока он не вступит в силу, вы будете находиться под секретным наблюдением, и, господа, не советую вам встречаться с еврейскими шпионами, если жизнь вам дорога.

Министры были напуганы и возмущены. Говорить таким тоном с русским дворянством! Но жизнь была им дорога, и никто и слова не пикнул.

— Итак, все согласны, — продолжил царь, обведя взглядом стол, — тогда приступим. Прежде всего, надо нанести удар по всем учреждениям, из которых эти басурманы черпают силы, невзирая на все ограничения, наложенные на них мной и моими предшественниками. Надо уничтожить средства, с помощью которых они распространяют свои бунтарские идеи и фанатичную религию.

Не спит Он и не дремлет

Он достал из кармана список и зачитал:

«Закреть:

- (а) еврейские школы, известные как *хедеры*. Разрешаются только школы, в которых все учителя — русские христиане.
- (б) семинарии, называемые *ешивами*.
- (в) синагоги.
- (г) еврейские бани, известные как *миквы*.

Запретить:

- (а) обрезание.
- (б) еврейскую Субботу. Все магазины и мастерские должны быть открыты, и полиция должна проследить, чтобы каждый рабочий и торговец работал в Субботу.

Арестовать:

- (а) всех раввинов.
- (б) всех глав общин
- (в) всякого, кто попытается — или может попытаться — воспрепятствовать проведению этого закона в жизнь, или будет протестовать».

В зале воцарилась тишина. Министр иностранных дел думал о том, что скажут английские газеты. Министр внутренних дел думал о том, как придется на практике справляться с парой миллионов евреев, скольких придется депортировать, а также о том, откуда возьмет дополнительные десятки тысяч надежных и неподкупных полицейских для наблюдения за проведением закона в жизнь. Министр юстиции думал о том, какой абсурдной покажется всем подобная статья в законе.

Но никто ничего не сказал. Возражать было бесполезно — и весьма опасно.

Царь прервал ход их мыслей:

— Теперь ваше задание заключается в том, чтобы разработать эти меры так, чтобы не оставить нигде лазеек и чтобы хорошо и убедительно их обосновать. Если надо, вам сюда принесут любую книгу или энциклопедию. А поскольку это дело займет у вас несколько часов, в соседней зале будет подан обед. Там же можно будет легко закусить в любое время. А теперь, — продолжил он, — скажите, сколько времени, по-вашему, займет разработка этого законопроекта?

После минутной тишины первый министр ответил:

— В виду срочности дела, Ваше величество, я буду готов к тому, чтобы пропустить обед и удовлетвориться легкой закуской, и, думаю, мои коллеги тоже. Но даже так, думаю, что для формулировки черного варианта нам потребуется двенадцать часов. А поскольку сейчас два часа, это значит, что закончить не удастся до двух часов ночи.

Не спит Он и не дремлет

— В таком случае, — ответил царь, — не буду вас более задерживать. Вечером, в два часа, я приду и проверю, как вы справились. Заседание закрыто.

Он поднялся и вышел из комнаты.

На минуту министры продолжили стоять на своих местах. Они много о чем думали, но ничего не говорили. В императорском дворце не рекомендовалось слишком много говорить.

Они принялись за работу. Министр внутренних дел, который лучше всех был знаком с данной темой, прошелся по пунктам, предложенным Его величеством. Каждый пункт обсудили, затем поделили работу между собой. Трудно было работать без привычных ассистентов, но к девяти часам каждый выполнил свою долю работы.

Эти отдельные бумаги зачитали и обсудили. Некоторые пункты пришлось переработать. Каждый взял свои наброски для разработки окончательного варианта. К половине двенадцатого они свели их в один проект, и министр юстиции начал переписывать его ясным почерком.

Другие сели за поздний обед. Только теперь они обнаружили, как страшно устали и проголодались. Довольные тем, что работа завершена, они с большим аппетитом уплетали еду.

Вдруг снаружи послышались команды. Гвардейцы отдавали честь — пришел царь. Едва министры успели скучиться в зале заседаний, он вошел, один.

Не говоря ни слова, он подошел к месту министра юстиции, взял то, что он писал, и просмотрел, а затем и остальные бумаги. Затем он собрал все в стопку, подошел к большому камину — и бросил все в огонь.

И, не говоря, по-прежнему, ни слова, он вышел. Все это заняло всего несколько минут. Снаружи гвардейцы опять отдали честь — он уехал.

— Нет, это уж слишком! — взорвался министр внутренних дел. — С нами обращаются, как с непослушными детьми: сначала велят в наказание переписывать стихи, а потом — ...» — он указал на камин.

Никто не молвил ни слова в его поддержку. Да и сам он теперь, похоже, сожалел, что сорвался.

— Похоже, что сегодня Его величество больше не нуждается в наших услугах, — начал министр финансов. — Посему предлагаю разойтись.

Ему ответил первый министр:

— Не могу с этим согласиться. Его величество не сказал, что мы свободны. Предельно ясно, что он не доволен нашим законопроектом. И если так, то мы обязаны приготовить новый, лучше старого, но никак не уходить.

— Но по каким принципам вы предлагаете сформулировать новый законопроект? — возразил министр финансов. Этот базировался на собственных пожеланиях Его величества. Если он не подходит, то иные идеи тем более его не удовлетворят.

На это первому министру нечего было ответить.

Не спит Он и не дремлет

Наконец, согласились на том, что останутся до двух часов ночи, как изначально планировалось, в случае, если царь вернется с новыми идеями. А тем временем продолжили прерванный ранее обед.

Еда и вино восстановили их хорошее расположение духа, и они давали тост за тостом, пока, незадолго до двух часов, они вновь услышали снаружи команды, и вновь вошел царь в сопровождении двух адъютантов. Теперь он тоже был в благодушном настроении.

— Ну-с, господа, — начал он, — значит, вы закончили работу и начали пировать? Я так и думал, что слишком много времени это дело не займет. А теперь, если вы готовы, я желаю взглянуть на законопроект.

Министров как громом ударило. Наконец, первый министр выдал:

— Н-но... ведь Ваше величество просмотрели 3-законопроект в полночь и... — он умолк, увидев царский жест гнева и омерзения.

— Есть тут среди вас один трезвый человек, который в состоянии объяснить мне, что он несет? — потребовал царь ледяным тоном.

Все взглянули на военного министра, который считался царским фаворитом, и он заговорил в как можно более примирительном тоне:

— Ваше императорское величество! Если мы заслужили Ваше неудовольствие тем, что начали обедать, пока ждали новых указаний, мы смиреннейше просим прощения. Но когда Ваше величество отвергли изначально законный законопроект, мы подумали...

— Что ты мелешь!! — прервал его царь.

Военный министр изо всех сил старался сохранить спокойствие.

— Не будет ли угодно Вашему величеству припомнить, что незадолго до полуночи Ваше величество просмотрели законопроект, разработку которого мы к тому времени завершили, и сожгли его? И мы ждали дальнейших указаний, и тем временем...

Царский гнев все более усиливался.

— Вы хотите сказать, что я сюда раньше заходил?!

Он обвел взглядом стол и увидел, что все закивали.

— Вы все так заявляете, серьезно?!

Министры кивнули.

— Заговор!!! — завопил царь — клянусь Богом, это заговор! Весь кабинет продан евреям! Но вы совсем из ума выжили: сидеть тут и пировать все это время, а потом говорить мне в лицо эту абсурднейшую ложь! Фон Градевиц! — скомандовал он одному из адъютантов, — позовите стражу и бросьте этих людей за решетку, пока я не решу, где им место, в дурдоме или в Сибири!

Адъютант покорно пошел к двери и вызвал стражу. В залу строевым шагом вошел взвод гвардейцев и встал в ожидании приказаний.

Царь тем временем вернулся в свое обычное холодное и ироничное настроение. Он сказал по-французски:

— *Messieurs les Ministres!* Я знаю, что в глубине души вы, наверное, думаете, что я тиран. Но ни один из вас не должен считать, что его осудили без справедливого суда и

Не спит Он и не дремлет

свидетельства. Фон Градевиц, спросите этих простых, честных солдат, кто здесь лжет, эти господа или я сам.

Градевиц обратился к командиру взвода:

— Входил ли кто-либо в это здание с тех пор, как вы встали на посту?

— Никто, кроме Его величества, — ответил солдат.

— Дурак! — раздраженно крикнул Градевиц. — Мы знаем, что Его величество вошел, иначе он бы здесь не стоял! Я спрашиваю, входил ли кто-либо до этого.

— Да-с, — ответил солдат, сохраняя спокойствие, — я это и сказал. Его Величество вошли сюда, один, без десяти двенадцать, пробыли здесь три минуты и снова вышли.

— Мошенник! — воскликнул царь, лицо которого побелело от гнева. — Изменник может изобразить меня и беспрепятственно пройти мимо моей охраны! Проклятье! До чего же мы дожили, если в моем собственном дворце... — позовите сюда дежурного офицера!

Он что-то прошептал на ухо Градевицу, а затем ступил за тяжелый занавес у окна. Когда вошел офицер, Градевиц спросил:

— Вы видели сегодня вечером Его величество царя?

— Да, — ответил офицер, — я дважды видел Его величество. Первый раз – почти в двенадцать, а второй – сейчас.

— Вы уверены? – переспросил Градевиц, — Ведь я знаю, что Его величество не покидал свои покои от десяти часов до сего момента. Мог ли это быть другой человек, переодетый в Его величество?

— Это невозможно! – с пылом заявил офицер, — абсолютно не возможно. Я сам оба раза открывал дверь Его величеству, и согласитесь, что уж мне положено знать, как он выглядит. Да и я обязан был спросить его пароль.

— И он его дал?

— Естественно. Как Его величество не будет знать собственный пароль?

— Довольно! — сказал царь, выходя из-за занавеса.

Он почтительно склонил голову.

— Господа, — сказал он торжественно, — в двенадцать часов я спал в своей комнате. Но очевидно теперь, что не спит и не дремлет Хранитель Израиля. Человек, которого вы видели, был Его Небесным посланцем, цель которого — не дать нам сделать неправильный шаг. Да будет Его воля. Господа, указ отменяется!

O. Y. Baddiel
London, England

O. I. Баддиль
Лондон, Англия

Translated from the English by Rabbi Meir Moutchnik, to whom many thanks.

Перевод с английского Меира Мучника, которому выражается благодарность.